

Т. А. СЕБЕОК

«СЕМИОТИКА» И РОДСТВЕННЫЕ ТЕРМИНЫ

«... давним результатом лингвистических исследований, независимо от того, когда они проводились и представителями каких школ, является отрицание абсолютных синонимов... Синонимы — наиболее вероятные субституты в любой данной ситуации, но только в одной ситуации; это очень важное ограничение»

(Hill, 1958, стр. 412).

Теория знаков в древней Греции разрабатывалась эпикурейцами и особенно стоиками. Несмотря на различные «кредо», представители обеих этих философских школ занимались, в основном, поиском ассоциативной связи между явлениями, которые поддаются непосредственному восприятию, и такими, которые сразу не воспринимаются нашими органами чувств. В этом отношении указанная теория аналогична теории показаний, особенно медицинских. Движения тела истолковывались как знак души, покраснение лица как знак стыда, а лихорадка как знак (симптом) — позднее как «непреднамеренный показатель» — болезни. В связи с тем, что до нас не дошли многочисленные работы стоиков — семантистов и логиков, в том числе и труды Хризиппа (около 280—206 г. до н. э.), а также в связи с тем, что мы не располагаем достаточно полными данными критики знаковой концепции стоиков со стороны эпикурейцев, приходится ограничиваться главным образом такими сохранившимися источниками, как произведения Секста Эмпирика и Диогена Лаэртского, которые появились спустя более полтысячелетия после периода наибольшего расцвета философии стоиков. Подробности философии языка, предложенные стоиками, до сих пор остаются «самой мучительной проблемой в истории семантики» (Kretzschmar¹, 1967, 363; наиболее надежное изложение содержится в диссертации Велтринга 1940 г.). Во всяком случае, греческая теория значимости, имеющая в большой мере медицинскую направленность (с ориентацией на Галена) получила наименование «*semeiotiké*» (из *sēma* «знак», *sēmeiōtikos* «наблюдающий знаки»).

В конце XVII в. Дж. Локк ввел греческое слово *semeiotiké* в обиход английской философии. Локк считал, что «теория знаков» является той отраслью разработанной им научной триады (логика, физика и этика), «цель которой состоит в рассмотрении природы знаков, которыми пользуется сознание для понимания вещей, а также в передаче этого знания другим» (1690, кн. IV, гл. XXI, § 4). Такие специалисты, как Р. Аарон (1955, 309), считают непонятным, почему Локк использует термин «*semeiotiké*» в той области философии, которая занимается логикой, ибо гассендисты, по всей видимости, не использовали его. Нет также никаких данных, свидетельствующих о том, что Локк, врач по профессии, наткнулся на этот тер-

¹ Список использованной литературы приводится в конце статьи. В тексте даются лишь фамилия автора, год издания его труда и стр. — *Ред.*

мин в своих медицинских исследованиях и приспособил его для использования в других областях (во всяком случае, он никак не связывает его с симптоматологией). Л. Рассел (1939), однако, убедительно показал, что Локк воспринял термин «*semeiotiké*» не из сочинений, посвященных логике или медицине, а заимствовал его из работ по греческой музыке. Непосредственным источником была, вероятно, изданная в 1682 г. Дж. Валлисом «Гармоника» Птолемея (хотя Рассел не упоминает этого сочинения, тот факт, что указанный термин не встречается в первом наброске «*Essay*» Локка 1671 г., подкрепляет это предположение). Валлис, друг Локка и его бывший профессор математики в Оксфорде, в свою очередь приписывает термин «*semeiotiké*» в значении «искусство музыкальной нотации» М. Мейбому, ссылаясь два раза на его «*Antiquae musicae auctores sentem*» (1652).

Английский термин и некоторые его производные впервые появляются двумя веками позднее в работах Дж. С. Пирса² в виде «*semeiotic*» (1, 444), редко «*semeotic*» (8, 377), а чаще всего «*semiotic*» (насколько я мог обнаружить, термин «*semiotics*» вовсе не встречается). Более того, он также использует термин «*semeiosis*» в смысле «действие знака» (5, 473) и, конечно, «*semeiosis*», употребляемый во мн. числе в виде *semeioses* (5, 490). Пирс указывает, что вариант этого термина — «*semeiosis*» «в греческом языке римского периода уже во времена Цицерона ... означал действие любого вида знака» (5, 484). Совершенно несомненно, что Пирс заимствовал термин «*semiotic*» («*semeiotiké*») и его определение как «виртуально необходимую, или формальную, теорию знаков» (2, 227) непосредственно из арсенала Локка, о работе которого он писал следующее: «Знаменитая „*Essay concerning humane understanding*“ содержит много мест..., где делаются первые шаги глубинного анализа, который, однако, не находит здесь дальнейшего развития» (2, 649). В известном замечании Пирс считает себя «пионером, или, скорее, чернорабочим в деле выяснения и открытия того, что я называю семиотикой, т. е. теории сущностной природы и основных разновидностей возможного семиозиса...» (5, 488).

Хотя Пирс неоднократно ссылается (например, 4, 353) на И. Х. Ламберта, он, как это ни парадоксально, видимо, не был знаком с десятью мастерски написанными главами этого автора «*Semiotik oder Lehre von der Bezeichnung der Gedanken und Dinge*» (Lambert, 1764, 5, 214), где глубоко осмыслиются и ясно излагаются в семиотическом аспекте (ср. Söder, 1964) основные принципы коммуникации и обозначения. Эти принципы в некоторых важных отношениях превосходят собственную работу Пирса, включая самое использование термина «*semiotic*».

Однако, как указал Л. Резников (1968, 189), несмотря на интересные мысли Ламберта, «его работы не оказали почти никакого влияния на развитие логико-семиотических проблем».

В Германии вплоть до последнего времени термин «*Semiotik*» продолжал обозначать симптоматологию. Сошлемся лишь на один пример. Р. Клейнпауль, автор одной из первых и наиболее серьезных книг о несловесной коммуникации, использовал этот термин в его традиционном значении. Он писал: «В медицине есть отрасль науки, называемая семиотикой, учение о признаках болезни, или, как мы обычно говорим, о симптомах...» (1888, 103), но тут же добавляет: «Было бы очень хорошо, если бы была разработана и семиотика здоровья» (там же, 106). Использование рассматриваемого термина Гермесом (1938) для обозначения только общего синтаксиса в отличие от описательного синтаксиса представляется в значительной мере специфичным для этого автора. В наши дни влияние аме-

² При ссылках на работы Дж. С. Пирса в скобках указываются тома и параграфы. — *Ред.*

риканского прагматизма, особенно прагматизма Пирса, а также бихевиористской социологии, а именно семиотики, представленной Моррисом, оказалось достаточно сильным для того, чтобы в Германии термин «Semiotik» стали повсеместно использовать со значением «общая теория знаков» (ср., например, Bense, 1967).

В Америке английский термин «semiotic» вошел в обиход философии и используется также за пределами этой науки благодаря инициативе Ч. Морриса, опубликовавшего серию работ, посвященных общей теории знаков, особенно классическую монографию 1938 г. «Foundations of the theory of signs», а также более тщательно выполненную книгу 1946 г. — «Signs, language and behavior» (обе эти работы включены в кн.: Morris, 1971). Согласно А. Риду (1948, 85), термины «semiotic» и «semeiotic» не стали общепринятыми в печати при жизни Пирса, хотя, Пирс использовал варианты этих терминов в переписке с В. Велби примерно в 1908 г. (часть этой переписки была впервые опубликована в работе Огдена и Ричардса, см.: Ogden and Richards, 1925, 281 и сл.; ср. Peirce, 8, 342). Рид ссылается на польского математика Л. Хвистека, который в 1924 г. использовал термин «semeiotics» для передачи на английском языке немецкого «Semantik», однако в английском языке термин «semiotic» впервые появился в печати лишь в работе Морриса.

Ч. Моррис писал, что «термин „семантика“ является, пожалуй, наиболее общепринятым названием дисциплины, изучающей знаки. Термин „семиотика“, избранный здесь, использовался стойками, Дж. Локком и Ч. Пирсом. Лингвисты и логики ограничивают употребление термина „семантика“ определенной частью рассматриваемой области знаний, а именно той частью, где изучаются означаемые (significata) знаков. Следовательно, мы будем использовать термин „семиотика“ как общий термин, а термин „семантика“ будет обозначать ту часть семиотики, которая имеет дело с означаемыми» (1971, 106). Терминология Морриса была быстро распространена Карнапом (1942, 9), который отнес «всю науку о языке», состоящую из синтаксиса, семантики и прагматики (такое тройное подразделение было в свое время введено Моррисом), к семиотике.

Не входя здесь в подробное рассмотрение запутанного исторического переплетения терминов «sem(e)iotic» и «semantics» и их многочисленных соперников, — некоторые лексикографические аспекты этого вопроса компетентно обсуждаются Ридом (1948) — представляется уместным перечислить в этой связи по крайней мере те термины, которые восходят к греч. *semeion*. Будут рассмотрены следующие термины: «sem(e)iology» (к этому термину мы еще вернемся ниже); введенный Райзигом термин «Semasiologie» (1839), англ. «semasiology» (1877); термин Б. Смарта «sematology» (1831) и, видимо, возникший независимо от последнего термин Бюлера «Sematologie» (1934, 34 и сл.), который употреблялся автором в значении, очень близком англ. «semiotic» (оба эти термина в значительной мере в настоящее время вышли из употребления); термин «semology», бытующий сейчас в некоторых американских лингвистических кругах (ср., например, Joos, 1958; Lamb, 1966, 31 и сл.). Следует также упомянуть созданный В. Велби термин «sensifics» (1896) и более известный ее термин «significs», который в 1917 г. стал лозунгом группы голландских ученых, называвших себя «significi» (Mannoury, 1969).

Наконец, следует остановиться на любопытной судьбе англ. термина «semiotics», который формально принадлежит к классу слов на *-ics*. Этой группой слов в свое время занимался Хилл, который подчеркивал: «штатипа, которая царит среди ученых, изучающих слова на *-ics*, в определенной мере... обусловлена тем обстоятельством, что ни в одном словаре не разъясняется генетическое различие между конечным *-s* в этих словах и

известным формантом мн. числа существительных, который омонимичен этому -s» (1948, 11). Как я уже отмечал, Пирс вообще не использовал термин «semiotics»; не применял этого термина и Моррис, который обратился к издателям серии «Approaches to semiotics», где недавно вышло полное собрание его сочинений, с просьбой напечатать специальное «Терминологическое примечание» к его книге, в котором разъяснялось бы расхождение между его терминологией и той, которая используется в указанной серии (Morris, 1971, 9, 10). Почти все истинные «семиотисты» (semioticians) — этот термин также принадлежит Моррису (Morris, 1971, 81), который обозначал им профессионалов, практически занимающихся семиотикой, — работающих в традициях Пирса, особенно философы, сгруппированные в «Обществе Ч. Пирса» (см. семь томов «Трудов» этого общества, начиная с 1965 г.), а также видные сторонники Пирса среди лингвистов, как Р. Якобсон (1971 и далее), всячески избегают термина «semiotics», который они склонны считать варваризмом. Тем не менее этот термин неоднократно появлялся в печати, в том числе в некоторых неверных ссылках. Так, в «Предметном указателе» к пятому тому работ Пирса (стр. 425) имеется ссылка «Semiotics», но в соответствующем параграфе (488) эта форма не встречается; такую же ссылку мы находим и в предметном указателе к монографии Бохеньского (1968, 134), хотя в тексте работы мне удалось обнаружить только вариант «semiotic» (30 и сл.). Спорадическое появление в английской печати термина «semiotics», начиная с 40-х годов нашего века, очевидно, обусловлено аналогическим словообразованием по модели слов на -ics (в терминологии Хилла), вероятнее всего, по модели слова «semantics» (этот последний термин в конце XIX в. создан М. Бреалем, хотя и до его появления еще в XVII в. существовал английский термин «semantick»). Распространение указанного термина или, если пользоваться терминологией Г. Пауля, «суммирование повторяющихся передвижений в идиолектах, кульминационным пунктом которых было образование новой языковой привычки», безусловно, связано с именем М. Мид, которая 19 мая 1962 г. в самом конце первой американской конференции по семиотике, посвященной рассмотрению различных аспектов этой новой зарождающейся области знаний, заявила: «Было бы очень хорошо, если бы мы могли разсехаться отсюда, по крайней мере, предварительно согласившись использовать какое-либо выражение для обозначения всей этой области знаний... Если бы можно было найти слово со значением „моделированная коммуникация на всех уровнях модальности“, оно было бы очень полезно. Я не специалист в этой области, и не знаю, какие слова лучше использовать, но многие из присутствующих, которые, как мне казалось, лучше разбираются в этих вопросах, использовали термин „семиотика“ („semiotics“). Мне представляется, что именно это слово в той или иной форме применялось учеными, стоящими на совершенно различных точках зрения» (цит. по кн.: Sebeok, 1964, 275). Тогда я писал в редакционном предисловии: «Обозначая единую область науки, это слово, несмотря на свою перегруженность значениями, было включено в основной заголовок нашей работы „Approaches to semiotics“ не без возражений со стороны некоторых ученых» (там же, 5). То же слово было позднее избрано в качестве общего заголовка серии, предназначенной для издания книг, посвященных теории знаков (Sebeok, 1969 b). С другой стороны, на заседании будущей Международной ассоциации семиотических исследований 21 I 1969 г. происходило бурное обсуждение вопроса о том, как следует назвать периодический печатный орган Ассоциации; дело не только в том, что этот журнал должен был быть двуязычным, но и в том, что к тому времени соперничество терминов «semiotic» и «semiotics» приобрело очень острый характер. Вопрос был удачно разрешен — новый

журнал называли «*Semiotica*» (Sebeok, 1969a). У меня сложилось впечатление, что в настоящее время термин «*semiotics*» имеет решающее преимущество по сравнению с «*semiotic*» и в ближайшее десятилетие, вероятно, полностью вытеснит этот последний, несмотря на предпочтение того или иного термина отдельными учеными. При ближайшем рассмотрении оказывается, однако, что оба эти термина следует устранить в пользу термина «*semeiotics*», ибо «правописание является лучшим аргументом целесообразности того или иного термина, а оно не допускает двусмысленности *semi-*. *Semi-otics* было бы абсурдом» (Court, 1969, 76, примеч.).

Таким образом, можно отметить, что все многообразие терминов, обозначающих теорию знаков, выражается в обобщающей форме «*sem(e)-iotic(s)*».

В Советском Союзе, где наука о знаках получила серьезное развитие и сделала большие успехи (Meletinsky, Segal, 1971) и где в 1962 г. состоялся первый семиотический коллоквиум (почти одновременно с первыми шагами американских ученых в этом направлении), излюбленным термином является «семиотика» [=англ. *semiotic(s)*]. Интересно отметить, однако, что знаменитый центр семиотических исследований, созданный в 1964 г. при университете в Тарту, где регулярно читаются лекции и летние курсы по структурному изучению вторичных систем, обуславливающих модели, публикует свои «Труды» под названием, воскрешающим этимологические истоки термина — «*Semeiotiké*» (это название было повторено в заголовке работы Кристевой — Kristeva, 1969), с русским подзаголовком «Работы о системах знаков», который затем на обороте титульного листа переводится на английский и эстонский — «*Works on semiotics — Tööd semiootika alalt*» (Lotman, 1964).

В Польше, стране, внесшей большой вклад в теорию знаков и давшей первый импульс к созданию Международной ассоциации семиотических исследований, обнаруживается явное предпочтение термина «семиотика» (=англ. *semiotics*) [ср. название Международной конференции по семиотике, созданной в Польше в сентябре 1966 г., и доклад М. Р. Майеновой «Семиотика сегодня», перепечатанный в кн.: Kristeva, 1971, 57—62], а также словоупотребление польских логиков, например, Пельца (Pelc, 1971 и далее) и его сотрудников. Такая же ситуация наблюдается и в остальных славянских странах; в венгерском языке также используется слово *szemiotika* (ср. Voigt, 1969, 377).

В противоположность «модели Локка — Пирса — Морриса», которую мы до сих пор описывали, и которая преобладает в Америке, в Северной и в Восточной Европе, существует другая традиция, распространенная в романских странах, но не ограниченная ими, ибо отзвуки этой традиции прослеживаются в английском языке, особенно в Великобритании. Эта традиция, которую я буду называть «моделью Соссюра», имеет два различных истока — первоначально греческую медицину, а затем, много позднее, непосредственное наследие Ф. де Соссюра. Чисто синхронически перед нами одновременное многоязычное взаимодействие полиинимии (использование нескольких подобных форм) и полисемии (использование нескольких связанных значений). Возьмем французский язык в качестве романского образца (данные приводятся по Роберту — Robert, 1967, 1633). Имеется две формы — а) *sémiologie* и б) *sémiologie*. Обе эти формы определяются по-разному: 1) «область медицины, которая изучает признаки болезни» и 2) «наука, изучающая жизнь знаков в рамках жизни общества» или «наука, изучающая системы знаков (языки, коды, сигнализация и т. д.)». Короче, 1) имеется в виду симптоматология в том виде, как она излагалась в 1752 г. («*Dictionnaire de Trevoux*») и 2) имеется в виду общая теория знаков (это подкрепляется цитатами из Соссюра, относящимися примерно к

1910 г.). Указанные значения можно представить в виде простой матрицы:

формы	a	b
значения	1	2

Имеются также две дополнительных формы, возникновение которых относится к 1555 г.: с) *sémiotique* (Ambrose Paré, в кн. XX bis, 23) и d) *sémiotique*. Обе эти формы соответственно имеют в сущности те же определения, что и указанные выше термины: 1) «семиология» и 2) «общая теория знаков». Это можно изобразить в виде расширенной матрицы:

формы	a	b	c	d
значения	1	2		

Такое же положение *mutatis mutandis* наблюдается и в других романских языках. В итальянском, однако, формы с) и d) поляризуются с точки зрения значения 1 и 2, т. е. термин «*semiologica*» означает теорию знаков, а термин «*semeiotica*» все еще употребляется в медицинском контексте. В румынском языке, с другой стороны, термин «*semiologia*» означает только «область медицины, которая занимается диагностикой болезней на основе их симптомов», а форма с) используется только со значением 2 (ср. Golopenția — Eretescu, 1971; относительно развития исследований по семиотике в Румынии ср. также Pop, 1972) и т. д.³

Не останавливаясь на значении 1, обратим основное внимание на термин «*sémiologie*» во втором смысле, родоначальником которого, как известно, был Соссюр. Вот соответствующая цитата из его «Курса общей лингвистики»: «Язык есть система знаков, выражающих идеи, а следовательно, его можно сравнивать с письмом, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами, и т. д. и т. п. Он только наименее важная из этих систем».

Можно, таким образом, мыслить себе науку, изучающую жизнь знаков внутри жизни общества; такая наука явилась бы частью социальной психологии, а следовательно, и общей психологии; мы назвали бы ее „семиология“ (от греч. *semeion* „знак“). Она должна открыть нам, в чем заключаются знаки, какими законами они управляются. Поскольку она еще не существует, нельзя сказать, чем она будет; но она имеет право на существование, место ее определено заранее. Лингвистика только часть этой общей науки; законы, которые откроет семиология, будут применимы и к лингвистике, и эта последняя таким образом окажется отнесенной к вполне определенной области в совокупности явлений человеческой жизни» (Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 40).

После слова *sémiologie* в «Курсе» имеется ссылка на книгу Навиля (1901, 104), который излагает только что приведенную раннюю версию взглядов своего женева коллеги по указанному вопросу. Соссюр настаивает на важности «очень общей науки, которую он называет семиологией и объектом которой должны стать законы создания и преобразования знаков и их значений. Семиология является важной частью социологии. Наиболее значительной из существующих систем знаков является условный язык людей, а наиболее развитой семиологической наукой следует признать лингвистику, науку о законах жизни языка» (Godel, 1957, 181).

³ Кроме использования в медицине, франц. термин «*sémiotique*» в середине XIX в. использовался также в военном деле: «Искусство маневрирования войск, движение которых регулируется знаками» (А. Рей, личное сообщение). В этом значении иногда использовался также термин «*sémantique*» (Rey, 1969, 6).

Само понятие семиологии и соответствующий термин впервые появились в заметке Соссюра, датированной ноябрем 1894 г. (Godel, 1957, 275). Начиная с 1916 г. и особенно после появления монографического исследования вопроса Бюссенсом (1943), этот термин распространился во французской научной и, в частности, лингвистической практике и в настоящее время употребляется в таких стандартных руководствах, как книги Бартеса (1964), Муванна (1960) и Гиро (1974). Однако этот на первый взгляд «гладкий» процесс был в значительной мере нарушен двойной миграцией рассматриваемой терминологии: в то время как термин «*sémiologie*» перекочевал через Ламанш (в виде «*semiology*», но со значением «*semiotic*»), термин «*semiotic*» совершил путешествие в противоположном направлении и, возвратившись зигзагообразным путем через Атлантику, способствовал возрождению термина «*sémiotique*» в значении «*sémiologie*». Имевшая большое влияние монография Бартеса «*Éléments de sémiologie*» была опубликована в Англии (а затем распространена в Америке) под названием «*Elements of semiology*». Именно этот термин в настоящее время постоянно появляется в британских газетах и журналах, таких, как «*The Times literary supplement*», а также в потоке книг, посвященных самым различным словесным и несловесным искусствам, начиная от архитектуры («*Semiology of architecture*», часть I Дженкса и Берда, 1969; ср. в аналогичном контексте исп. «*semiología*» в работе Gandelsonas, 1970) и кончая кинематографией: хорошей иллюстрацией употребления изучаемого термина в этом контексте может служить противопоставление названия главы из английской книги Воллена — «*The semiology of the cinema*» (Wollen, 1969, 116—162) и названия одновременно с ней опубликованной американской монографии «*The development of a semiotic of film*» (Worth, 1969). В то же время термин «*sémiotique*», стал настолько часто употребляться во французском (ср. Kristeva, 1971), что один ученый сделал предостережение: «Лучшим французским переводом остается „*sémiologie*“. Термина „*sémiotique*“, проникшего во французский язык ... со значением семиологии вообще, следует избегать...» (Mounin, 1970, 57, примеч.).

Резюмируя сказанное, можно утверждать следующее: форма «*semiology*», видимо, прочно вошла в научный обиход, хотя ее роль в американском варианте английского языка ничтожна по сравнению с терминами «*semiotic(s)*»; во французском языке термин «*sémiologie*» в настоящее время соперничает с «*sémiotique*». Результаты этой борьбы все еще не ясны.

Даже при употреблении в узком смысле, т. е. отвлекаясь от употребления их в медицине, английские термины «*semiotic*», «*semiotics*», «*semiology*» (если взять только три наиболее обычных английских термина) не являются в полной мере взаимозаменяемыми. Хотя любой автор журнала «*Semiotica*» может, в соответствии со своими личными вкусами, дать то или иное название теории знаков, его терминология в пределах статьи не будет колебаться *ad libitum*, ибо первоначальный выбор терминов безошибочно укажет читателю-специалисту, имеет ли он дело с представителем традиции Локка — Пирса — Морриса, сторонником терминологии М. Мид, или последователем соссюрианства. И хотя все указанные термины, к сожалению, могут иметь один и тот же денотат, смысловое различие каждого из них настолько велико, что правомерность высказывания Хилла о синонимах, приведенного в качестве эпиграфа к настоящей статье, полностью подтверждается.

Некоторые ученые нарочито отделяли денотат термина «*semiotic*» от денотата термина «*semiology*». Такова была практика Л. Ельмслева, который дал следующие формальные определения: «*semiotic*» (дат. «*semiotik*») — «иерархия, любой из сегментов которой допускает дальнейшее деление на классы, определяемые взаимным отношением, так что любой из этих

классов может делиться на производные, определяемые взаимными передвижениями»; «semiology» (дат. «semilogi») — «метасемиотика, противопоставленная объектной, т. е. ненаучной семиотике» (Hjelmslev, 1957, 85, 87). Кроме того, Ельмслев использовал слово «semiotics», хотя употребление этого термина было случайным и Ельмслев не вкладывал в него терминологического значения; он также ввел термины «метасемиотика» (в противоположность «объектной семиотике») и «метасемиология», которые он истолковывал с позиций формального анализа. Последователи Ельмслева пытаются увековечить смысловое различие этих терминов: «Независимая наука, поисками которой мы занимаемся, скорее всего представляет из себя имманентную семиологию — науку, изучающую с е м и о т и к у (sic!), или знаковые системы вообще» (F. Whiffeld, в кн.: Hill, 1959, 258). Иногда тем же занимаются и другие ученые. «Было бы полезно, — заявляет социо-антрополог, — оставить термин „semiology“ в значении „изучение семиотики (semiotics)“, причем последний термин осмысливается как мн. число (!) от термина „semiotic“. В свою очередь, термин „semiotic“ описывает знаковую систему» (Ardeneg, 1971, LXXXVI, примеч. 16).

Во французском языке депотаты терминов «sémiotique» и «sémiologie» по разному различаются друг от друга. Например, у Мунэна, который, как уже говорилось, возражает против обозначения термином «sémiotique» «семиологии вообще», хотя он, видимо, не имел бы ничего против органического использования этого термина «для обозначения особой системы нелингвистической коммуникации: код пути является семиотикой; в качестве другого примера, видимо, можно указать на живопись и т. д.» (Mounin, 1970, 57, примеч.). В итальянском языке автор одного из наиболее интересных учебников по рассматриваемому здесь вопросу резко отграничивает значение термина «semilogia» от термина «semiotiche» — причем делается это не на основе существующего употребления, а, так сказать, ex cathedra, с тем, чтобы установить своеобразную норму (будущее покажет, насколько такая норма правомерна), призванную внести ясность в возможную дискуссию.

В заключение мне бы хотелось сделать два очень коротких замечания.

1. В 1963 г. я ввел новый сложный термин «zoosemiotics». Начиная с первого появления этого термина в журнале «Language», я пытался проследить его переход из чисто лингвистических источников в разного рода научные тексты и, в частности, в художественную литературу, а также переход этого термина из английского в другие индоевропейские языки, в японский и финно-угорские языки. Результаты моих наблюдений в этом отношении (Sebeok, 1968, 1970) можно рассматривать как дополнение к настоящей статье.

2. Замечания о другом связанном термине, «asemasia». Джексон в своей работе об аффектах речи указал на ограничения термина «афазия», опираясь при этом на вполне здравые мысли о том, что «по крайней мере, во многих случаях мы имеем дело с чем-то большим, чем утрата речи: мимика нарушена; нередко утрачена способность символизировать тем или иным образом отношения между объектами». Он продолжает: «Д-р. Гамильтон предлагает термин „asemasia“, который представляется вполне правомерным» (Jackson, 1932, 159). При этом он имеет в виду А. М. Гамильтона, известного невропатолога, который работал в Нью-Йорке и написал книгу о нервных болезнях, где, в частности, говорится: «Мне кажется, что слово „афазия“ в том виде, в котором оно сейчас употребляется, имеет слишком ограниченное значение: оно может выразить все виды нарушений подобного рода, которые состоят не только в дефектах речи, но и в утрате способности жестикуляции, пения, чтения, письма и других

функций, посредством которых человек имеет возможность вступить в контакт со своими товарищами. Я бы предложил поэтому термин „асемасия“ в качестве заменителя термина „афазия“ (Hamilton, 1878, 161, примеч.). Вполне возможно, как указывает Джексон (1971, 289), что Гамильтон не только предложил этот термин, но и является его автором, создавшим этот термин для обозначения отсутствия какой-либо семиотической деятельности за пределами словесной. Если это так, то следует отметить, что предшественником Гамильтона здесь был Штейнталь, который в 1871 г. писал, что «афазия... осложняется ... общей неспособностью узнавания знаков, асемией» (Steinthal, 1881, 458).

Перевел с английского М. М. Маковский

ЛИТЕРАТУРА

- Aaron, R. I. 1955² [1937¹]. John Locke, London.
 Ardener, E., ed. 1971. «Social anthropology and language», London.
 Barthes, R. 1964. *Éléments de sémiologie*, Paris (по-английски книга вышла в 1957 г.: «Elements of semiology», London).
 Bense, M., 1967. *Semiotik. Allgemeine Theorie der Zeichen*. Baden-Baden.
 Bocheński, J. M. 1968² [1965¹]. *The methods of contemporary thought*. New York.
 Bühler, K. 1965² [1934¹]. *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Stuttgart.
 Buyssens, E. 1943. *Les langages et le discours. Essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie*. Bruxelles.
 Carnap, R. 1942. *Introduction to semantics*. Cambridge (Mass.).
 Count, E. W. 1969. *Animal communication in man-science: an essay in perspective*, в кн.: «Approaches to animal communication» ed. by T. A. Sebeok and A. Ramsay, стр. 71—130. The Hague.
 Eco, U. 1968. *La struttura assente: introduzione alla ricerca semiologica*, Milano.
 Gandelsonas, M., et al. 1970. *Semiologia arquitectonica*, «Summa», 32, стр. 69—82.
 Godel, R. 1957. *Les sources manuscrites du «Cours de linguistique générale»*, de F. de Saussure. Genève.
 Golopenția-Eretescu, S. 1971. *Explorări semiotice*, «Studii și cercetări lingvistice», 22, стр. 283—291.
 Guiraud, P. 1971. *La sémiologie*. Paris.
 Hamilton, A. 1878. *Nervous diseases: their description and treatment*. Philadelphia.
 Hermes, H. 1938. *Semiotik: eine Theorie der Zeichengestalten als Grundlage für Untersuchungen von formalisierten Sprachen*, «Forschungen zur Logik und zur Grundlegung der exakten Wissenschaften», 5. Leipzig.
 Hill, A. Mc. A. 1948. *The use of dictionaries in language teaching*, «Language learning», 1, стр. 9—13.
 Ero же, 1958. *Introduction to linguistic structures: from sound to sentence in English*. New York.
 Ero же (ed.) 1969. *Linguistics today*. New York.
 Hjelmslev, L. 1953 [датский оригинал, 1943]. *Prolegomena to a theory of language*, Baltimore.
 Jackson, J. H. 1932. *On affections of speech from disease of the brain*, в кн.: «Selected writings of John Hughlings Jackson», 2, стр. 155—170.
 Jakobson, R. 1971. *Word and language*, «Selected writings», 2, The Hague.
 Jencks, C.; Baird, G. 1969. *Meaning in architecture*. London.
 Joos, M. 1958. *Semology: a linguistic theory of meaning*, «Studies in linguistics», 13, стр. 53—70.
 Kleinpaul, R. 1888. [1972²]. *Sprache ohne Worte. Idee einer allgemeinen Wissenschaft der Sprache*, Leipzig.
 Kretzmann, N. 1967. *History of semantics*, «The encyclopaedia of philosophy», 7, стр. 358—406.
 Kristeva, J. 1969. *Semiotiké. Recherches pour une sémanalyse*. Paris.
 Ее же, 1970. *La mutation sémiotique*, «Annales. Economies, sociétés, civilisations», 25, стр. 1497—1522.
 Ее же и др. (eds.). 1971. «Essays in semiotics — Essais de sémiotique», The Hague.
 Lamb, S. M. 1966. *Outline of stratificational grammar*, Washington.
 Lambert, J. H. 1764. *Neues Organon oder Gedanken über die Erforschung und Bezeichnung des Wahren und dessen Unterscheidung vom Irrtum und Schein*, 2, Leipzig.
 Locke, J. 1690. *Essay concerning humane understanding*. London.

- Lotman, J. M., (ed.) 1964. Semeiotiké. Труды по знаковым системам, «Труды Тартуского гос. ун-та», Tartu.
- Mannoury, G. 1969. A concise history of significs, «Methodology and sciences», 2, стр. 171—180.
- Meletinsky, E., Segal, D. 1971. Structuralism and semiotics in the USSR, «Diogenes», 73, стр. 88—115.
- Morris, C. S. 1971. Writings on the general theory of signs, The Hague.
- Mounin, G. 1970. Introduction à la sémiologie, Paris.
- Naville, A. 1901². Nouvelle classification des sciences, Paris.
- Ogden, C. K.; Richards, I. A. 1925. The meaning of meaning, London.
- Peirce, C. S. 1965—1966. Collected papers of Charles Sanders Peirce, Cambridge (Mass.).
- Pelc, J. 1971. Studies in functional logical semiotics of natural languages, The Hague.
- Pop, M. 1972. Le laboratoire de sémiotique de l'université de Bucarest, Roumanie, «Semiotica», 5/3.
- Read, A. W. 1948. An account of the word «semantics», «Word», 4, стр. 78—97.
- Resnikow, L. O. 1968. Erkenntnistheoretische Fragen der Semiotik, Berlin (дополненное изд., перевод с русск. изд.: «Гносеологические вопросы семиотики», Л.).
- Rey, A. 1969. Remarques sémantiques, «Langue française», 4, стр. 5—29.
- Robert, P. 1967. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française, Paris.
- Russell, L. J. 1939. Note on the term «semeiotiké» in Locke, «Mind», 64, стр. 405—406.
- Saussure, F. de, 1967 — [1916¹]. Cours de linguistique générale, Wiesbaden (ср.: Ф. де Соссюр, 1933. Курс общей лингвистики, М.).
- Sebeok, T. A. 1968. «Zoosemiotics», «American speech», 43, стр. 142—144.
- Еро же, 1970. The word «zoosemiotics», «Language sciences», 10, стр. 36—37.
- Еро же (ed.), 1969 a. «Semiotica. Journal of the international association for semiotic studies», 1—, The Hague.
- Еро же (ed.), 1969 b. «Approaches to semiotics», 1—, The Hague.
- Sebeok T. A. et al., eds. 1964. «Approaches to semiotics», The Hague.
- Söder, K. 1964¹[1972²]. Beiträge J. H. Lamberts zur formalen Logik und Semiotik, Greifswald.
- Steinthal, H. 1881² [1871¹]. Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft, Berlin.
- «Transactions of the Charles S. Peirce society». 1965— A quarterly journal in American philosophy, ed. by R. Robin.
- Voigt, V. 1969. Modellálás a folklorisztikában, «Studia Ethnographica», 5, стр. 347—430.
- Weltring, G. 1910. Das «Semeion» in der aristotelischen, stoischen, epikureischen und skeptischen Philosophie. Ein Beitrag zur Geschichte der antiken Methodenlehre, Bonn.
- Wollen, P. 1969. Signs and meaning in the cinema, Bloomington.
- Worth, S. 1969. The development of a semiotic of film, «Semiotica», 1, стр. 282—321